

О. В. Аптекман

ОБЩЕСТВО

„ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ“

70-х гг.

ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ

2-е исправленное и значительно дополненное издание

ПЕТРОГРАД
«КОЛОС»

1924

нова: — «...подобно Лермонтовскому Мцыри «знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть: этой думой было счастье родины, этой страстью была борьба за ее освобождение» 1).

4. Георгий Валентинович Плеханов.

Он был самый молодой среди нас. Но уже и тогда он выделялся своей эрудицией, гибким острым умом, живым, с огоньком, словом.

За это последнее мы его прозвали «оратором». Под этой же кличкой он выступил 6-го декабря 1876 года во время «Казанской демонстрации». Познакомился я с ним в первый раз в 1875 году, в Петербурге.

Как-то встречаю на улице гимназического своего товарища, Успенского. Зовет к себе, с ним сейчас живет интересный юноша, студент Горного Института. Ладно!—ответил я. Действительно, интересный юноша. Типичный по внешности студент. Среднего роста, стройный, небольшая темнорусая, лопатой, борода, каштанового цвета волосы на голове, мягкими прядями падающие назад, белый, как мрамор, высокий лоб, карие, слегка минаделовидные глаза. Лицо в общем приятное, оригинальное. Особенно—живые, острые, порою насмешливые глаза. Разговорились. Как водится, подняли спор. Не помню сейчас всех подробностей нашего спора, но фигурировала здесь,—и это я помню хорошо,—статья Михайловского «О счастье». И опять прекрасное впечатление. Что-то свое, вызывающее, горячее. Чувствуется талант, способность к самостоятельному мышлению. Чувствуется темперамент. Славный юноша. Повидимому, много работает по своей специальности: комната вся уставлена химическими снарядами, ретортами, колбами, банками и прочими химическими принадлежностями. На полках и на столе книги. Много книг. И не только по естествознанию, но и общеобразовательных, серьезных книг много. Очевидно, читает много. Встретились мы опять, но уже как товарищи по «Земле и Воле», в Саратове, где в 1877 году осела порядочная колония землевольцев для организации деревенских поселений в губернии. Это было наше ближай-

1) Там же. А.

шее задание от нашего «центра» в Петербурге. «Жорж» (Плеханов) остался в г. Саратове и выступал в кружках молодежи и рабочих. И очень удачно. Рабочие были прямо в восхищении от него, высоко ценили, гордились им. По моей просьбе Плеханов написал основные положения народничества. Надо было передать в один кружок местной молодежи. В один присест написал программу—быстро, листки так и летели, писал на-бело. Написано ясно, сжато, выразительно. Вот эту-то программу Плеханов пропагандировал рабочим и молодежи. Молодежь он также быстро завоевывал, но порою также скоро и терял. Завоевывал своей эрудицией, даром слова, темпераментом. Терял же, благодаря своему задору, своей своеобразной полемике,—этому жалу, которым он тогда уже умел чувствительно ранить своего противника. Уже тогда он был не в меру резок и нетерпим. В Саратове он все порывался в деревню, «в народ». Но обстоятельства так неблагоприятно складывались для него, что все попытки его в этом направлении терпели неудачу. Я был решительно против поселения Плеханова в деревне. Я говорил: деревня не его стихия. Он бы только завял там. Его арена—город, с его широкими общественными запросами, с его умственным движением. Да и в самом Саратове он был незаменим. В Саратове уже в то время были кружки учащейся молодежи, и зарождались ячейки среди рабочих. Стало быть, почву под ногами имел в Саратове Плеханов,—значит, ему работы не занимать. Но случился провал всей нашей группы в Саратове. И Плеханов, как и многие другие, бежал в Петербург. Здесь-то он стал развертываться и выпрямился во весь рост, во всем блеске творческих молодых сил: и как пропагандист-агитатор среди молодежи и рабочих, и как лигериатор. Зимой 1877 года, под влиянием «Казанской демонстрации», продолжавшей еще тревожить молодежь, а, главным образом, под влиянием неокончившегося еще тогда «процесса 193», выстрела В. Засулич—молодежь сильно волновалась.

Наш «центр» решил использовать это волнение. Вести агитации среди молодежи поручено было Плеханову, Попову, Преображенскому и пишущему эти строки. Предполагалось устроить внушительную демонстрацию с подачей адреса министру юстиции, Палену. Адрес был написан Плехано-

вым—сжато, сильно. Напечатан в землевольской «вольной типографии» и пущен предварительно в обращение среди молодежи. Демонстрация не удалась, но агитация не прошла бесследно. Плеханов неутомимо агитировал, пропагандировал народническую программу. Я был тогда неразлучен с Плехановым. Мы ютились у студентов, то у одних, то у других,—своего угла не имели. Это нас, впрочем, не особенно тяготило: мы как-то умудрялись, сидя по углам, работать. Плеханов тогда много читал и с выбором. Поразительная у него была память. Он не нуждался ни в заметках, ни в извлечениях. Нужна ему какая-нибудь справка, он подходит к полке, берет нужную ему книгу, раскрывает ее на той именно странице, где нужная справка имеется. И замечательно—память его с годами ничуть не ослабевала. Немудрено, что работа его отличалась такой высокой производительностью. Я никогда не видел его праздным, мечтающим, в состоянии *dolce far niente*. Не любил он пустых разговоров, не выносил он фразы, красивых жестов. Беседовать—значило для него мыслить вслух, сообщая, при чем эта беседа была обворожительна как по содержанию, так и по форме. Сколько чудных таких разговоров, с глазу на глаз, переживал я с ним! Сколько оригинальных мыслей, метких сопоставлений порою проникнутых неподражаемым юмором, высказывал он! Помню—это было в начале 1879 года—появились статьи А. Ефименко «Трудовое начало в воззрениях народа» (точно заглавия не помню).—Мне они, эти статьи, очень понравились, я предложил их Плеханову для прочтения. Плеханов прочел их и, к изумлению моему, не пришел в такой восторг, как я.

«Почему, Осип,—обратился он ко мне с насмешливым огоньком в глазах,—так увлекли тебя эти статьи? Слова нет, кое-что интересное есть в них, но основная их мысль—трудовое начало—не социалистический принцип, а типично буржуазный. Трудовое начало—уже результат начавшегося распада первобытного коммунизма, когда экономическое расчленение в общине пошло уже далеко. Раньше не трудовое начало регулировало взаимные отношения в общине, а коллективизм, если хочешь—коллективное трудовое начало, а не индивидуальное. Наш идеал, как окончательный синтез социально-экономического процесса, имен-

но коллективизм. К нему нас зовет научный социализм, к нему мы должны апеллировать каждый раз при оценке удельного веса того или другого факта в области теоретического знания». Признаюсь, я был поражен этой совершенно неожиданной для меня аргументацией Плеханова, своеобразной способностью его вскрывать Pudelskern всякого сложного вопроса. Богато одаренная натура, Плеханов не мог, само собою, удовлетвориться исключительно познавательной, идейной работой: натура боевая, он страстно искал практической деятельности, арены, трибуны... И в агитации он развертывался и выросал. А наша тогдашняя русская действительность давала ему для этого достаточно стимулов: взрыв на Васильеостровском патронном заводе (1877 г.), ряд рабочих стачек в Петербурге в 1878—79 годах. Не один, конечно, Плеханов работал тут: агитировали с ним и другие товарищи-землеольцы, бывшие тогда в Петербурге, и привлеченные к этому делу передовые элементы рабочих и молодежи, но первую скрипку, по справедливости, всегда играл Плеханов.

Агитация его среди рабочих описана им самим просто и правдиво в его «Русском Рабочем в революционном движении».

Весною 1879 г. Плеханов и я читали лекции петербургским рабочим по русской истории. Вступительную лекцию прочел Плеханов.

Тема—русские народные движения: бунты Разина, Пугачева и Булавина. Лекция его построена была красиво и прочтена была с большим подъемом. К сожалению, «вихрь злобы и бешенства» ураганом понесся по нашей безответной родине, особенно после 2-го апреля (покушения Соловьева на Александра II) и разметал все наши начинания: массовые аресты и высылки, разгромлен «Северно-русский рабочий союз», разгромлена и наша рабочая конспиративная квартира. Мы едва спаслись. Лекции прекращены.

В 1878 году мы видим уже Плеханова в рядах редакции «Земли и Воли». Ему принадлежат две руководящие статьи в №№ 3 и 4, под заглавием: «Закон экономического развития и задачи социализма в России». В этих двух статьях центрального землевольческого органа Плеханов уж готов, как литератор, с юрделенной яркой писательской ин-

дивидуальностью. Это, по-моему, лучшее, самое содержательное, что было написано в подпольи по вопросу о революционном народничестве.

Статьи его в «Черном Переделе» представляют лишь дальнейшее развитие основных предпосылок названных статей в «Земле и Воле». «Диалектическое мышление» — дает уже себя чувствовать. «Тощее», но содержательное красноречие, — в противоположность «жирному» большинства подпольных изданий¹⁾. Плеханов — готов, окристаллизировался, как законченная духовная личность. Жизнь, работа мысли обогатят его ум знанием, но ничего не прибавят к особенностям его духовной организации: его своеобразный познавательный аппарат, с его своеобразными приемами познания, усвоения и диалектики, был уже тогда, когда он был землевольцем и чернопередельцем, совершенно готов.

Я мог бы, оставаясь близким к истине, дать такую характеристику духовной индивидуальности Плеханова: по познавательным своим склонностям он — исследователь, ученый, философ; по темпераменту — публицист, воин, трибун. Создаваемые им — самостоятельно или несамостоятельно, все равно — ценности становятся интегральной частью его духовного бытия, сплавляются с его духовной личностью, а потому становятся для него не только объективной, но и субъективной ценностью, за целостность и сохранность которых он готов душу положить. И будет он те ценности оборонять от врагов своих всеми мерами *sans trêve ni merci*. Таков уже был Плеханов в юные и молодые годы, таким остался он и в зрелые. Не знает он половинчатости в сфере познания, мужд и отвратителен ему всякий эклектизм, а потому так суров, жесток он ко всякой теоретической мешанине; беспощаден в своей полемике к влияниям, в роде «с одной стороны нельзя не сознаться, но с другой стороны — должно признаться». И потому-то Плеханов так непримиримо, зло, саркастически борется с товарищами по редакции «Земли и Воли», а затем с товарищами-землевольцами на Воронежском съезде, на котором он оказался таким одиноким, чуждым, что вышел из

¹⁾ Древние различали два типа красноречия: «тощий» и «жирный». «Тощий» — крайне категоричен, содержателен. «Жирный» — расплывчат, многословен, содержание конфузно, нередко и сумбурно. А.

организации, когда убедился, что товарищи его свернули старое знамя,—не свернули, а только пока спустили. Так же страстно впоследствии боролся он с народничеством и с субъективной философией в социологии, с одной стороны, и бернштейнианством и ревизионизмом—с другой. Можно восставать против некоторых специфических приемов его полемики, но нельзя отрицать его глубоко честной мысли, его несокрушимого убеждения в истинности своей идеологии. Он может с правом сказать: *hier stehe ich und kann nicht anders*—на этом стою я и не могу иначе...

В 1879 году Плеханов впервые выступает в легальной литературе: он помещает статью в народническом журнале «Устой», редактируемом известным беллетристом-народником Златовратским. К большому сожалению, я никак не могу припомнить заглавия его статьи. Помню только, что была написана по поводу на шумевшего тогда в литературном мире «Сборника статистических сведений по Московской губернии».

Статья Плеханова так понравилась Златовратскому, что последний предложил «начинающему» только писателю стать постоянным сотрудником журнала.

Зима 1879 года была, думается мне, самая тяжелая пора в жизни Плеханова. Не пытик был «Жорж» по натуре своей, и помину не было в нем этих разных «надрывов», «гамлетовщины», бесплодных и бессильных исканий—ковыряний в собственной душе... Он был тогда, словно яблочко наливное, полон кипучей энергии и ищущих приложений, духовных и душевных сил. А выпало на его долю—трижды проклятое «безвременье»: как чернопеределец, он был не ко двору, а сдаваться не хотел, не мог: крепко держало его еще в руках отмирающее уже народничество. И он настойчиво, энергично работал еще в этом направлении, выбиваясь из всех сил, чтобы как ни как заклепать это растрескивающееся по всем швам изношенное суденышко.

Мы работали вместе. Готовили первый № «Черного Передела». Изредка пересбрасывались несколькими словами. Плеханов работал поразительно быстро, не успевшь оглянуться, а у него уже целых ворох исписанных листочков на столе. Вскакивает быстро, кинет масково-смеющийся взгляд

в мою сторону—и за чтение. В то время вышел целый ряд капитальных работ по исследованию народного быта. Выше я упомянул о московском «Сборнике», посвященном крестьянскому землевладению и крестьянской поземельной общине. Одновременно с этим появилось в свет исследование об общине Посникова, об обычном праве Ильи Оршанского и многое другое, что сейчас не могу припомнить. Ходила также у нас по рукам «Zur Kritik» Маркса, «Квинт эссенция социализма» Шеффле на немецком языке. Плеханов приставал ко мне, чтобы вместе проштудировали последние две книги. Я читал вслух и переводил, а Плеханов ловил все это на лету и крепко на крепко запечатлевал все это в своей умной голове. Бывало, споткнусь я на момент в передаче перевода, как Плеханов, сверкнув на меня, опять-таки ласково-насмешливо, своими миндалевидными глазами, проронит:—не робей, не робей, Осип, знай переводы!— и тут же, как бы невзначай, бросает искомое меткое выражение, и чтение продолжается до положенного времени. Так коротали мы с ним, в передышку между делом, наше унылое чернопередельческое существование.

Как-то раз он пришел ко мне, заметно взволнованный.

— Осип, ты ничего не будешь иметь против того, если на две недели уеду в Киев? Получил письмо от Розы (Роза Марковна Боград, жена Плеханова. А.), зовет..., что-то хворает...

— Надо спросить товарищей, Жорж!

— Меня интересует твое мнение, твое!.. (налег на подчеркнутые мною слова).

Я посмотрел на «Жоржа»: беспокойные, тревожные огоньки в глазах, взволнованно-озабоченное лицо.

— Я рад буду, если хоть на время уберешься из этого Вавилона... но боюсь я Киева тоже... там головорезов слишком много....

Весело-бодро сверкнул глазами, пожали друг другу руки,—и он укатил в Киев, вернувшись, однако, целехенький, к назначенному сроку. Молодец!

Наступили декабрьские петербургские дни 1879 года. Густой, пронизывающий до мозга костей, желтый туман. Туман в голове, холодно на сердце. Если бы не Плеханов, совсем ошалел бы: он то-и-дело доставляет мне умствен-

ный праздник, дает духовный уют и, поскольку он может, и душевный.

Каждый день он проводит у меня несколько часов. Если он не приходит, начинаю тревожиться: не случилось ли с ним чего-либо? III Отделение его ревностно розыскивает. Раз уже, другой удалось ему улизнуть, а в третий раз, пожалуй, влопается. Не хочу я этого. Я за это время крепко полюбил Плеханова—за ум его большой, за дарования богатые. Сидя рядом с ним, глядя на него, слушая его, беседуя и работая с ним, я думаю только одно: «Жоржу» надо уехать немедленно за границу, «Жоржа» надо непременно сохранить! За границей он не затеряется, не растратит по пустякам своих сил, а напротив: усугубит свои дары, углубит их. Долго ли, короткое ли время пробудет он там, он время даром не потеряет. Умственная работа для него—физиологическая потребность, а такая именно работа за границей, так сказать, предуготовлена для него. Швейцария ли, Париж или Лондон—все это умственные центры, черпай из их сокровищниц знания самые высокие их ценности!.. Мысль эта совершенно овладела мною и я решил в ближайшее же заседание Совета внести предложение о неотложности выезда за границу Плеханова. Промелькнула мысль о том, не предложит ли также и Стефановича, Засулич и Дейча. Но предварительно я решил переговорить об этом с Плехановым. Что он скажет? Как отнесется? И такой разговор имел место в ближайшие дни. Долгий, хороший, сердечный разговор. Мои соображения, главным образом, сводились к следующему: на отъезд Плеханова я смотрю не как на акт эмиграции его, а лишь—как на отпуск за границу, более или менее продолжительный. Полагаю, однако, скорее последнее. Почему? Борьба народовольцев с правительством приняла теперь такой характер, что—либо пан, либо пропал, какой-нибудь одной из сторон. Предусмотреть трудно все, но общественное возбуждение и негодование все нарастает и нарастает... Может быть, и родится какая-либо сила, которая заставит правительство капитулировать—на тех или других условиях. И тогда положение вещей в России может, пожалуй, измениться в направлении, более благоприятном для нашей работы в деревне. «Мы оживем, а то мы теперь двигаемся, как осен-

ние мухи—не то живы, не то мертвы. Нет сил больше терпеть! Уезжай, Жорж, уезжай!.. В путь-дорогу!.. И да живет в тебе моя вера в тебе!.. Так-то, милый мой, родич Белинского!»...¹⁾

Я, очевидно, попал «в самую настоящую точку», говоря языком «неизлечимого» дьякона Г. Успенского²⁾. Плеханов слушал меня сосредоточенно-молча, темная тень легла на его лицо, глаза его уж не смеялись насмешливо, а глядели вдумчиво-печально. Он сказал:—«Ты прав, прав, Осип!.. но почему бы и тебе не поехать со мной?.. поедем вместе!.. поедем!.. не пропадать же тебе здесь одному!»..

Помню, как горячо и решительно я отклонял его предложение, и как, в конце концов, он согласился со мною, что иначе мне и поступить нельзя... Спустя несколько дней я внес в чернопередельческий Совет мое предложение. Предложение мое принято было единогласно: Плеханова, Дейча, Засулич и Стефановича Совет отпустил на время за границу³⁾. Плеханов, помню, уехал первым.

Тяжело мне было с ним расстаться: остался не только без необходимого товарища, но интимно духовно-родственного друга-человека. А в душе я ликовал: Плеханов спасен, сохранен. Сорок три года прошло с того времени. И сейчас, когда вспоминаю об этом, я говорю себе: Осип, ты хорошо сделал, что настоял на отъезде Плеханова за границу!.. Может быть, это лучшее, что ты сделал в своей жизни...

1888 год. Прошло 9 лет. Я в Мюнхене, изучаю опять медицину. Наступили летние фериы (вакации). Надо и мне отдохнуть, надо на время совсем забыть медицину, надо куда-нибудь проехать. Куда же, если не к старым товарищам? Еду в Цюрих и Женеву. О самом главном и новом для меня я был уже раньше осведомлен из писем Плеханова ко мне: я говорю об организации Группы Освобождения Труда. Я познакомился еще до отъезда моего в

¹⁾ Плеханов не раз мне говорил, что наш бессмертный В. Белинский приходится ему родственником — кажется, с материнской стороны. А.

²⁾ Сочинения Гл. Успенского Том первый. 4-е изд. Ф. П. Вленкова. Очерк «Н. и Л. и мый». С.-Петербург. 196.

³⁾ Мое предложение на Совете выступило в расширенном виде: к Плеханову я присоединил и Стефановича, Дейча и В. Засулич, ибо они буквально висели, что называется, на волоске—вот-вот их сцапают... А.

Швейцарию с программой и объяснительным к ней предисловием (я говорю о программе, составленной Группой Освобождения Труда в 1885 г.), и остался весьма доволен: ясно, сильно, убедительно, никакой декламации, ни следа революционной фразы. Люди выступили во всеоружии марксизма, в сознании огромной важности поставленной ими цели и выдвинутых ими очередных задач русской действительности.

У меня под руками в Мюнхене оказались лишь две брошюры Плеханова: «Социализм и политическая борьба» и «Наша разногласия». Это—краеугольные камни, положенные в основу русской социал-демократической литературы. Этими двумя брошюрами Плеханов открыл выход из того тупика, в который русская революционная мысль уперлась после крушения народничества и «Народной Воли»—выход на широкую европейскую дорогу во всеоружии опыта и критики марксизма.

Завидно стало... А мы у себя дома, на родине, бились, бились, блуждали по закоулкам и проселкам, сбивались и падали, подымались и снова шли, пока не угодили... в тупик. Надо было уйти из родины, подальше отойти от мрачно-безнадежной картины русской действительности, чтобы на расстоянии лучше рассмотреть ее детальные черты, ее штрихи, краски и оттенки,—чтобы установить надлежащую перспективу. Меня охватило сильное желание скорей повидать старых товарищей, а особенно, особенно Плеханова. Я уехал в Цюрих, а затем, погостив два дня у Аксельрода, я вместе с ним отправился в Морнэ (за Женевой) к Плеханову.

В Цюрихе,—скажу попутно, много говорили с П. Б. Аксельродом о Плеханове («Жорже»). Говорил П. Б. о нем с нежной любовью. Слышались неподдельные, восторженные ноты.

«Жорж»-де сейчас написал критический очерк о Гл. Успенском. Это «сделает эпоху» в нашей критической литературе, может быть поставлено рядом с «Классовой борьбой во Франции» Маркса.

— Вот поедем к Жоржу, и он почитает ее. Мы тебя только с этим ждем, Осип! Гениальное применение марксистского метода к литературной критике. Ничего подобного у нас не было.

Я слушал П. Б. и радовался: Плеханов, значит, нашел себя,—я раньше был в этом уверен. Я торопил П. Б. с отъездом: так сильно, сильно хотелось мне его скорей увидеть!..

Из Женевы мы поехали в Мернэ на трамвае, поднялись на горку, по направлению к шалэ, красиво приютившееся на самой верхушке. Там жил Плеханов. Когда мы подошли уже к шалэ (хижинке), в одном из его окон промелькнула стройная фигура молодого человека. То «Жорж» увидел нас в окно и выходит навстречу. Слышны были быстро спускавшиеся по лестнице шаги, и на пороге показался Плеханов.

Я залюбовался на него: бледное, матовое лицо, в рамке темнорусой, лопатой, бороды; высокий, точно выточенный из слоновой кости, лоб; запавшие, холодные, сосредоточенно-вдумчивые глаза. Креп, возмужал и... нашел себя. Крепко обнял меня и позвал нас обоих в садик. Сели. Глядит и обливает меня потоком насмешливо-ласковых искорок. Я хорошо знал эти искорки, любви они мне всегда были. Это—он, он, «Жорж»—злой насмешник!..

Сразу же приступил к делу.

— Павел писал мне, что ты, Осип, одобряешь нашу программу, но не решаешься все пристать к нам. В чем препятствие, друг любезный?

Я высказался от полноты моего сердца. Программу одобряю и принимаю, принимаю и одобряю в особенности теоретические к ней предпосылки; но в программе есть слабые места и места, совсем не приемлемые.

Плеханов меня слушал очень внимательно.

— Ты, вижу я,—возразил мне горячо Плеханов,—марксизма совсем не знаешь, а потому... возводишь на него поклеп, да! поклеп! Ты познакомься с марксизмом, да не со вторых рук, из первых источников, и ты увидишь, как безнадежно ты заблуждаешься: на все проклятые вопросы ты получишь ответ прямой!..

Конечно, Плеханов был совершенно прав. Наша беседа была неожиданно прервана возвращением из университета Розы Марковны. Пошли обедать. Обед прошел оживленно. Плеханов был в ударе, а когда он в ударе, он прямо обворожителен: неистощим в юморе и ярких характеристиках. Вспоминали, конечно, старое.

Плеханов—не сентиментален, но о нашем землевольческом «Дворнике» (А. Д. Михайлове) он проронил несколько слов, хотя и приправленных перцем его насмешек, но чуялось в них глубокое уважение и симпатия к тени товарища... Я убежден, если Плеханов питал подлинную симпатию к кому-либо из бывших наших товарищей по «Земле и Воле», то это были, несомненно,—Александр Дмит. Михайлов и пишущий эти строки. Почему такой странный, почти парадоксальный выбор? А. Д. Михайлов и я—антиподы по духовной и душевной индивидуальности. Не иначе, что в каждом из нас он нашел то, что особенно было для него душевно ценно. Я смотрел на него, как институтка, влюбленными глазами, вместе с тем, я боялся, что вот-вот опять пустит в меня одну из своих отравленных насмешкой стрел. В ушах моих еще звучали слова его, которыми он встретил Розу Марковну, при неожиданном ее появлении в садике:—«Кого пробираю? Вот кого! (указывая на меня искрящимися глазами). Посмотри-ка на него, Розочка!... настоящий немец... Все говорит: социал-демократическую программу приемлю, а марксизм—нет!... Ну, вот толкуй больной с подлекарем!»...—После обеда сделали с Плехановым небольшой променад, а это для меня значит—остаться без ног и принять турецкую баню. Вернулись с прогулки уж поздно—и прямо в постель. Я долго, как малое дитя, не мог уснуть: слишком много впечатлений. Ворочаюсь в постели и тревожу «Жоржа» разными вопросами. Надоел ему—и он пустил в меня чувствительную стрелу. Я угомонился. В его спальне было так холодно (Морнэ—высокое место), что зуб на зубе не мог удержать (окна были раскрыты, по предписанию врачей), а Плеханов спал, как зарезанный. Когда проснулся утром, Плеханов уж был в садике и читал. Я спустился к нему, сел рядом на скамейке, полюбопытствовал, что читает: Гегеля в подлиннике. Вернул книгу и посмотрел на него—должно быть, глупое в моих глазах было выражение. Насмешливо сверкнул своими глазами.

— Что ты?... Воротит меня от твоего Гегеля...

— Чудак!... необразованность одна!.. великолепная книга!.. Жил бы ты у нас, я бы засадил тебя за Гегеля... Без Гегеля и марксистом не станешь...—И пошел, пошел. Я слушал его с захватывающим интересом. Все было для меня новое, сильное, глубокое.

О Гегеле я ни малейшего представления не имел, представлялся больше Кантом, Ланге. Плеханов мастерски познакомил меня с сущностью философии Гегеля, «поставленной на ноги» Марксом и Энгельсом. Опять — новое, о чем и не думал, и не гадал. Так побеседовали мы, — т. е., вернее: поучал меня Плеханов, — до прихода П. Б. Аксельрода. Как условились накануне, Плеханов немедленно приступил к чтению своей статьи о Гл. Успенском. Читал Плеханов, не торопясь, иной раз перечитывал то или другое место, по просьбе кого-либо из слушателей. Статья прекрасная, оригинальная, талантливая. Но чтобы она «делала эпоху», как отозвался об этой статье Аксельрод, — я тогда этого не мог сказать. А тем более мне показалось гиперболой сравнить эту статью с «Классовой борьбой во Франции» К. Маркса. Да оно и понятно. Я тогда не сбросил с себя еще окончательно ветхих одежд народничества, они ключьями висели на мне, не опадая. Сейчас же, — скажу мимоходом, — я вполне согласен с П. Б. Аксельродом: эта статья действительно «делает эпоху» в русской марксистской критической литературе, и, в этом смысле, она может быть сравнена либо с «Классовой борьбой во Франции», либо с «18-е Брюмера Луи Наполеона». Продолжаю. Начался спор и долго тянулся. Плеханов защищал свою точку зрения, я — свою. И надо отдать справедливость Плеханову: он стоял на высоте своей задачи.

Больше скажу. Никогда еще я не видал Плеханова таким идейно-сильным, непоколебимо убежденным и душевно-прекрасным, как в ту запечатлевшуюся в моей памяти беседу в садике в Морнэ. Он не полемизировал, не стрелял в меня своими ласково-насмешливыми искорками (злые, острые огоньки он приберегал для своих подлинных противников) — нет! он находился в тот момент в высшей сфере мысли и практики: истина — вот что поглощала его целиком, истина, озаренная светом марксистской философии, с вершин которой он уже узрел зарю нового дня нашей обездоленной, богом обиженной родины, — зарю собирания, сплочения и выступления русского пролетариата. Он, можно сказать, слышал уже приближающиеся шаги его, чутким ухом улавливал уже мощное дыхание его, — в то время, как другие были еще глухи. Повторяю, таким я Плева-

нова ни раньше никогда, ни потом никогда не видал. Мастерская постановка вопросов, неотразимая аргументация и страстная убежденность, подлинный пафос,— вот что меня тогда очаровало. Не забудем, ведь Плеханов был тогда еще не о ф и т о м в марксизме, а стало быть, всецело переживал всю силу захватывающей идеи, всю полноту связанных с этой идеей эмоций, всю красоту целостного жизненного ощущения.— Я, однако, не хотел уступать ему, я оборонялся, как мог, хватаясь и за соломенку: внутри себя я чувствовал, что моему ветхому мирозерцанию нанесен чувствительный удар, затрещала моя твердыня... Плеханов и Аксельрод, повидимому, уловили это и значительно переглянулись... Взгляд их ясно говорил:— «Осип—идеалист, но будет время и он придет к нам».— Два дня спустя, я попрощался с Плехановым. Я уехал не один: меня всю дорогу до Мюнхена неотступно не оставляла одна мысль: Осип, ты побежден, ты побежден! Признайся самому себе!.. В Мюнхене я признался и утешился тем, что такое поражение на самом деле—не поражение, а противоположность его— победа! Быть побежденным галлилеянином— не значит быть пораженным.

Сорок без малого лет пробыл Плеханов за границей¹⁾. Там он, наконец, нашел себя, нашел свою цель жизни, свою миссию. Он стал идеологом пролетариата, вообще, и русского— в особенности. Далеко была от него родина, но близкой и родной она оставалась для него всегда. Умом и сердцем своим он всецело принадлежал ей. Он зорко из чужбины следил, можно сказать, за каждым ее движением, за самыми малейшими переменами, совершающимися в ее складе жизни и мысли. С проницательностью недожинного ума, с выдающейся силой творческой мысли, он сумел уловить существенно е, не запутываясь в мелочах того сложного процесса развития, по которому пошла родина. И ни одно крупное

¹⁾ Плеханов жил в Швейцарии; изгнанный по настоянию царского правительства из Швейцарии, он перебрался в Париж, где терпел жестокую нужду, потом перебрался в Лондон, где много работал в лондонском музее. Книгохранилище этого музея, говорил он мне, главным образом, и обогатила его знания. Англичане удивлялись его работоспособности, культурная хозяйка его ходила за ним, как за родным сыном. Много интересного, вообще, мне рассказывал он об Джоне Буле. А.

явление в области мысли и практики не заставляло его врасплох. Он тут, как тут: выступает во всеоружии марксистской философии, разрушает и созидает, отторгает и строит. И не из головы своей он это все выдумывает, а головой своей,—светлой и сильной, обогащенной знанием, строгим научно-философским методом. Он беспощадно критикует и отвергает архаические формы бытия и мысли нашего общественного уклада и вскрывает новые ее формы, идущие на смену и в отмену старых, изжитых уже, но еще окончательно не отошедших. Прочь с дороги утопическая социалистическая идеология! ширь и простор новой идеологии—пролетарской! Непримируемый противник субъективного идеализма, он ему противопоставляет—философский материализм,—не наивный, рассматривающий явления в их неподвижности и постоянстве, а в их вечном становлении, непрерывном движении и отрицании. Кординальными заданиями его, с того момента, как он, овладев оружием марксизма и сбросив с себя лохмотья народничества, стал во главе Группы Освобождения Труда, были таковы: каким образом, в виду развивающегося уже в России капитализма, с одной стороны, наличности социалистической интеллигенции, с другой, и вооруженный критикой и учением научного социализма—с третьей,—каким образом достигнуть, чтобы, еще до приобретения политической свободы, рабочий класс представил в России самостоятельную силу и чтобы он, рабочий класс, борясь, как это было на Западе, вместе с буржуазией за свободу, не подпадал, по примеру своих европейских собратьев, под влияние этой буржуазии? Эта основная задача стала с разных сторон разрабатываться дружно Группой Освобождения Труда. Плеханову в этой общей работе принадлежит, по справедливости, первая роль. Он вдохновлял Группу силою своего творчества, непреклонностью своих убеждений, талантом своего слова, обширными своими познаниями. Работа была трудная, ответственная, особенно на первых порах. Бывшие товарищи и единомышленники недоумевали, не признавали новой идеологии, не понимали Плеханова, отрицали его слово и дело. Но уже ближайшее будущее, начиная с начала 90-х годов—с 1892—1896—показали, как дальновиден был Плеханов. Пошла, как известно, полоса заба-

стовок, охвативших обширные промышленные центры России, начиная с Петербурга. Промышленный кризис одним, так сказать, ударом вывел рабочую массу из покоя предыдущих годов. А с этим вместе—открыл широкое поле деятельности для социал-демократических организаций: период первоначальной «кустарной» работы социал-демократических организаций, период выработки, путем пропаганды, сознательных элементов социал-демократизма среди небольших ячеек и групп рабочих, заменяется сразу приобщением к делу более уже широких слоев рабочей массы. Закладывается фундамент рабочей социал-демократической партии. Русский пролетариат, наконец, вышел на большую дорогу. Отныне поступательное его движение, как класса, обеспечено. Предвидение Плеханова, таким образом, блестяще оправдалось. Он во-время выступил с пропагандой марксизма и социал-демократизма в России. Он сделал, по-истине, большое дело.

В 1917 году, после 38-летнего пребывания за границей, Плеханов вернулся, наконец, на родину. Он бежал из родины почти юношей, вернулся на родину почти стариком, немощным, по болезни, телом, но крепкий духом. Он бежал из порабощенной родины, а вернулся—в освобожденную. Родина ожидала от него еще больших дел: он не сказал еще своего последнего слова, он не завершил еще своего славного большого дела... Но беспощадная Парка перерезала своими ножницами нить его жизни—и он, год уже спустя, 30 мая 1918 года, ушел от нас. Ушел один из выдающихся умов не только России, но и Запада, человек с огромной разносторонней эрудицией в разных областях знания: естествоведения, истории, экономики, социологии, литературы, искусства и культуры. Знаток гегелевской философии и французской материалистической философии XVIII века. Глубокий знаток марксистской философии и самый талантливый истолкователь и популяризатор ее. Мыслитель, всю жизнь положивший на то, чтобы выработать в своих современниках твердое ясное понимание окружающей их действительности. Но он не только был теоретик-мыслитель,—он был ярким борцом словом и делом: выдающийся

публицист, оратор, основоположник Р. С.-Д. Р. П., член Бюро Второго Интернационала. Он ушел от нас, но оставил нам богатое идейное наследие, которым долго еще будут жить поколения мыслящих и действующих людей. Он похоронен на Волковом кладбище, недалеко, по его просьбе, от своего родича В. Белинского. Там место его мертвым останкам. Все же, что было в нем вечное и нетленное—будет жить с нами и в нас, как живут Радищев, Белинский и Чернышевский. Смертью смерть поправ.

5. Валериан Осинский.

В первый раз я с Валерианом Осинским познакомился зимою 1877 года на конспиративной нашей квартире на Бассейной, в Петербурге, куда я и другие мои товарищи Ростовско-Харьковского кружка—Тищенко и Мощенко — приехали, для окончательных переговоров с натансоновцами. Этот живой, экспансивный, изящный молодой человек сразу завоевал мои симпатии. В живой остроумной речи он познакомил нас с положением вещей и тут же по пути выложил перед нами целую кучу новостей из петербургского радикального мира. Непоседа—Валериан, живой, как ртуть, не знал покоя; для нас Валериан служил ходячей газетой, неутомимым репортером, проникающим повсюду и из всего извлекающим какую-нибудь пользу для кружка. Целый день Валериан в бегах, весь Петербург исколесит вдоль и поперек, к вечеру только возвращается, физически усталый, но душевно бодрый и живой. Он буквально нагружен новостями и торопится поделиться с нами. Много ценного передает вам Валериан, обычно перемещанного и пересыпанного с пикантным и романически-сказочным... Это своего рода *Wahrheiten und Dichtungen*, но чисто в валериановском духе... Крайне впечатлительный и восприимчивый, он легко отдается охватившему его чувству, легко заражается окружающим его настроением. Это не значит, что у Валериана ничего не было своего, что он, как губка, жадно вбирал в себя воду и также легко, при нажиме, отдавал ее. О, нет! у Валериана было свое, и весьма крепкое и ценное; это—прирожденное ему чувство живой действительности,—о б щ е с т-

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

	<i>Стр.</i>
Памяти павших в борьбе товарищей	5.
От автора	7
Вместо предисловия	10
Предисловие ко второму изданию	13.
Введение	15
Глава I. Харьковские кружки	44
” II. Петербургские кружки	59
” III. Флеровский-Берви и кружок Долгушина	83
” IV. Лавристы	111
” V. Программы Бакунина и Лаврова	117
” VI. Что думала молодежь в целом?	127
” VII. Первые мои шаги на пути пропаганды	139
” VIII. Пензяки. Молокане. Фельдшер. С. В. Попов. Итоги.	167
” IX. Переходный период в истории революционного движения	178.
” X. Силуэты землевольцев:	
1. Марк Натансон	202
2. Ольга Александровна Натансон	210
3. Александр Дмитриевич Михайлов	215
4. Георгий Валентинович Плеханов	218
5. Валериан Осинский	234
6. Михаил Родионович Попов	237
7. Алексей Дмитриевич Обошешев	242
8. Юрий Макарович Тищенко	246
9. Александр Абрамович Хотинский	251
10. Николай Павлович Архангельский	255
Глава XI. „Большой процесс“ или процесс „193“ зимою 1877—1878 гг.	282
Глава XII. 1878 г. Канун террористического периода народническо-революционной деятельности	325.
Глава XIII. 1879 г. Террористический период Землевольческой деятельности	341
Глава XIV. Конец 1879 года и январь 1880 года. „Народовольческая“ группа разворачивает вширь и вглубь свою деятельность	378
Приложение. Письмо к бывшим товарищам	411
Заключение	432